

Научная статья

УДК 316.752

<https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.3.2>

EDN NQTYFL

Великая Отечественная война в семейно-родовой памяти современной российской молодежи**Ирина Н. Богданова¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россияe-mail: irina-bogdanova64@mail.ru**Яна В. Артамонова²**²Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россияe-mail: yserdyuchenko@sfedu.ru**Аннотация**

Введение. Авторы работы указывают на то, что вопросы, связанные с формированием социальной памяти и исторического сознания молодежи вызывают большой интерес среди научного сообщества. Сегодня интерес исследователей направлен на рассмотрение различных сюжетов памяти, где основным срез научных работ направлен на анализ памяти о «травмах». В рамках данной работы на материалах, полученных в ходе проведения фокус-групп и глубинных интервью с представителями молодежи, рассматривается изучение способов сохранения семейной памяти о войне и механизмов передачи традиций наследственной преемственности.

Методы. В марте-апреле 2025 года коллективом Института социологии и регионоведения Южного федерального университета было проведено исследование, направленное на оценку степени осведомленности молодых россиян о событиях Великой Отечественной войны и определение значимости этой исторической эпохи в их мировоззрении и жизненных ориентирах. Методами исследования выступили: 5 фокус-групп с учащейся молодежью и 21 глубинное интервью с представителями работающей молодежи.

Результаты и их обсуждение. В качестве теоретической основы проведенного исследования были выделены три основных составляющих семейной исторической памяти: духовная, материальная и деятельностная, позволившие выявить знания молодого поколения о событиях ВОВ и участии членов семьи в этих исторических событиях, понять отношение молодежи к материальным носителям (семейным ценностям эпохи ВОВ), а также проанализировать личностную активность молодежи по поддержанию памяти о ВОВ. В результате проведенного исследования выявлено значение внутрисемейной коммуникации как основной составляющей межпоколенной исторической памяти, а также наличие, в целом, семейно-родовой исторической памяти, продемонстрированной молодежью. Вместе с тем выявлены и такие ее характеристики, как фрагментарный характер духовной составляющей, утрата интереса молодежи к семейным военным ценностям (к материальной составляющей), все более несистемный, ситуативный характер реальных поведенческих практик по поддержанию памяти о ВОВ(деятельностной составляющей).

Ключевые слова: молодежь; российская молодежь; социальная память; историческая память; семейно-родовая память; историческое сознание; Великая Отечественная война.

Для цитирования: Богданова И.Н., Артамонова Я. В. (2025). Великая Отечественная война в семейно-родовой памяти современной российской молодежи. *Caucasian Science Bridge*, 8 (3), С. 22-34. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.3.2>

The Great Patriotic War in the Family and Genealogical Memory of Contemporary Russian Youth

Irina N. Bogdanova¹

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: irina-bogdanova64@mail.ru

Yana V. Artamonova²

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: yserdyuchenko@sfedu.ru

Abstract

Introduction. The authors point out that issues related to the formation of social memory and historical consciousness of young people are of great interest among the scientific community. Today, researchers are interested in considering various subjects of memory, where the main section of scientific papers is aimed at analyzing the memory of «trauma». Within the framework of this work, based on materials obtained during focus groups and interviews with youth representatives, the study of ways to preserve family memory of the war and the mechanisms of transmission of traditions of hereditary succession is considered.

Methods. In March-April 2025, the staff of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University conducted a study aimed at assessing the degree of awareness of young Russians about the events of the Great Patriotic War and determining the significance of this historical epoch in their worldview and life orientations. The research methods were: 5 focus groups with students. 21 in-depth interviews with representatives of working youth.

Results and its discussion. As a theoretical component of the conducted research, three main components of family historical memory were identified: spiritual, material and activity, which made it possible to identify the knowledge of the younger generation about the events of the Second World War and the participation of family members in these historical events, to understand the attitude of young people to material carriers (family values of the era of the Second World War), as well as to analyze the personal activity of young people in maintaining memory about the Second World War. As a result of the conducted research, the importance of intra-family communication as the main component of intergenerational historical memory, as well as the presence, in general, of family and ancestral historical memory demonstrated by young people, has been revealed. At the same time, its characteristics have also been revealed, such as the fragmented nature of the spiritual component, the loss of youth's interest in family military values (the material component), and the increasingly unsystematic, situational nature of real behavioral practices to maintain memory of the Great Patriotic War (the activity component).

Keywords: youth; Russian youth; social memory; historical memory; family and ancestral memory; historical consciousness; Great Patriotic War.

For citation: Bogdanova I. N., Artamonova Ya. V. (2025). The Great Patriotic War in the Family and Genealogical Memory of Contemporary Russian Youth. *Caucasian Science Bridge*, 8 (3), P. 22-34. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2025.3.2>

Введение

Проблемы молодежи остаются весьма актуальными и социально-значимыми для современных исследователей, занимающихся рассмотрением социогуманитарных проблем. Нельзя не отметить тот факт, что сегодня социальная реальность меняется очень быстро, что в свою очередь влияет на трансформацию взглядов и представлений молодых людей на объекты изменяющейся реальности, что находит большой отклик в исследованиях современных ученых. Вопросы, связанные с формированием социальной памяти и исторического сознания молодежи, вызывают большой интерес среди научного сообщества (Савельева, Полетаев, 2005; Кабытов и др., 2020; Шестаков, 2020). Среди таких

работ можно найти как мифотворческие опусы, так и научно-теоретические трактаты профессиональных историков, политологов, журналистов. Исследовательский интерес авторов таких работ направлен на рассмотрение различных сюжетов памяти, где основной срез научных исследований направлен на анализ памяти о «травмах» (переселение, раскулачивание, годы войны) (Логунова и др., 2022).

Как подчеркивают исследователи из Кемеровского государственного университета: «Идти вглубь памяти – значит преодолевать препятствия «модернизированных репрезентаций», реконструкций, реминисценций, ошибок памяти. ... Содержание коллективной памяти распадается на «темы» – смысловые конструкты, которыми акторы оперируют, решая задачи повседневной жизни» (Логунова и др., 2022, 162).

Парадигма «травмы» очень актуальна в рамках изучения социальной памяти (Штомпка, 2001). Исследование травм XX века, например, такой, как Великая Отечественная война, позволяет глубже понять, как эти события влияют на современное общество и индивидуальное сознание. Поскольку данное событие затронуло большую часть российских семей, то в данном контексте важно рассмотреть такую часть памяти, как семейно-родовая.

Семейно-родовая память играет ключевую роль в передаче социокультурного опыта и формировании идентичности (Логунова, 2011). Она не только сохраняет воспоминания о прошлом, но и помогает новым поколениям осознать свои корни и место в истории. Это может быть особенно важно для молодежи, которая ищет свое место в мире и стремится понять, как исторические события повлияли на их семью и общество в целом.

Направления изучения семейно-родовой памяти

Интерес исследователей в последние годы направлен на изучение социальной памяти как исторического феномена, который направлен на сохранение и воспроизводство идентичности социальных групп, общностей, наций (Логунова, 2011, 2; Живой, 2017).

Среди современных работ по обозначенному полю исследования можно отметить труды, фиксирующие подходы к исследованию социальной памяти (Логунова, 2019; Храпов, Ковылин, 2024). Поскольку сегодня происходит информатизация общества, исследователи работают над вопросом факторов и тенденций технологизации социальной памяти (Храпов, 2020). Е.Ю. Макулина в своих работах акцентирует внимание на рассмотрении «факторов цифровых трансформаций общественного воспроизводства, которые фундируют сдвиги в функционировании социально-исторической памяти» (Макулина, 2024).

Следует отметить, что неотъемлемой частью социальной памяти является семейно-родовая память. Как подчеркивает Л.Ю. Логунова: «Семейно-родовая память – хранилище духовного и социального опыта общности. Формируя свои характеристики в структуре ментальности, она имеет свою историю, при изучении которой нужно учитывать историю идеологии, особенности воспроизводства ценностей социальной группы, воспроизводства традиций, семейного педагогического наследия, специфику воображения и проблемы реконструкций памяти» (Логунова, 2011, 8). Именно семейно-родовая память зарождаёт в человеке необходимость поддержания родственных связей, семейных традиций. Передача социокультурного опыта от поколения к поколению закрепляет и укрепляет межпоколенные связи в семье. Кроме того, работа с памятью предков может способствовать развитию критического мышления и способности к сопоставлению различных исторических нарративов. Это, в свою очередь, может помочь молодежи формировать более осознанное и ответственное отношение к своему наследию и к будущему.

Методы исследования семейно-родовой памяти

В марте-апреле 2025 года коллективом Института социологии и регионоведения Южного федерального университета было проведено исследование, направленное на оценку степени осведомленности молодых россиян о событиях Великой Отечественной войны и определение значимости этой исторической эпохи в их мировоззрении и жизненных ориентирах.

Методами исследования выступили такие методы, как проведение 5 фокус-групп с учащейся молодежью (молодые люди, которые обучаются в Лицее Южного федерального университета и студенты Южного федерального университета, обучающиеся на 2, 3 и 4 курсе бакалавриата). В фокус-группе участвовали лицеисты, обучающиеся в 10 классе. Выбор данной целевой группы был связан с тем, что при обучении в 9 и 11 классах ученики сдают профильные предметы, такие, как история, в рамках основного государственного экзамена и единого государственного экзамена, что включает углубленную подготовку по данному предмету, что могло бы дать искаженные результаты в рамках проведения фокус-группы. Также исследовательский коллектив провел 21 глубинное интервью с представителями работающей молодежи до 35 лет. Опрос молодежи был проведен на территории Ростовской области по следующим критериям: возраст опрашиваемых – от 18 до 35 лет, не обучающиеся очно, наличие работы.

Молодежь как социально-демографическая группа представлена в исследовании возрастнойвилкой от 14 до 35 лет. Данные возрастные рамки предполагают включение разных поколенческих когорт в гетерогенную структуру группы молодежи. Более старшая возрастная когорта, из числа именно работающей молодежи, принадлежит к поколению Y, тогда как более молодая часть молодежи – поколение Z – обучающейся. В рамках исследовательской задачи именно этим объясняется необходимость опроса работающей молодежи. Направление деятельности и профессия, в данном случае, не имела принципиального значения.

Выбор методологии исследования, в основе которой качественные методы, наиболее релевантен предмету и задачами исследования. Методология качественного анализа позволила, опираясь на знания, мнения и оценки молодежи относительно событий ВОВ, выявить понимание их отношения к данному историческому событию и сформулировать основные выводы относительно субъективных оценок и поведенческих практик, сопряженных с трансляцией семейно-родовой памяти.

В рамках данного исследования одна из задач была посвящена изучению способов сохранения семейной памяти о войне и механизмов передачи традиций наследственной преемственности.

При решении данной задачи мы опирались на следующий понятийный аппарат: историческая память, социальная память и семейно-родовая память. «Историческая память по сути дела является выражением процесса организации, сохранения и воспроизводства прошлого опыта народа, страны, государства для возможного его использования в деятельности людей или для возвращения его влияния в сферу общественного сознания» (Тощенко, 2000).

Как отмечает Л.Ю. Логунова: «Социальная память — канал передачи социального опыта в семейно-родовом пространстве» (Логунова, 2009, 121). Сегодня в рамках государственных задач в России много говорят о национальной идее. Отношение к прошлому народа, к его истории – важный показатель отношения к своей Родине в целом. Нельзя не согласиться с тем, что корни каждого из нас – в истории и традициях семьи. Семья – ячейка общества, хранительница национальных традиций. Семейно-родовая память связывает, согласует индивидуальный уровень и высшие слои социальной памяти (Логунова, 2014). «Формируется семейно-родовая память, пере даваемая потомкам в виде семейных историй, легенд. Наследники этой памяти в последующих поколениях закрепляют в ментальных характеристиках общности правила поведения,

основанные на истине и мифологических продуктах сознания» (Логунова, 2009, 127).

Говоря о новых традиционных ценностях, которые мы стремимся воспитывать у молодого поколения и сложностях этого воспитания, учитывая особенности современной молодежи (ее гетерогенность, ее транзитивный характер, сопряженный с неопределенностью статусной позиции, ее ценностную противоречивость и даже парадоксальность, сложность процессов саморегуляции и прочее), патриотизм остается одной из важнейших ценностных установок. Патриотизм в молодежной среде сегодня воспринимается неоднозначно (входит в систему ценностей, но при этом не является значимой и определяющей для большинства молодежи), а роль семьи в патриотическом воспитании молодого поколения часто не осознается самими родителями, поскольку семья в современных условиях нестабильного социума решает порой сиюминутные задачи, порожденные лишь конкретной жизненной ситуацией.

Результаты и их обсуждение

Блок, включающий в себя ряд вопросов, который можно объединить под таким названием, как «память о войне в моей семье» важен, поскольку в семье осуществляется сложный процесс первичной социализации молодого поколения. Социальный аспект духовного призвания семьи заключается в том, чтобы научить молодежь воспринимать поддерживать и передавать из поколения в поколение духовные и национальные отечественные традиции. В семье формируется гражданская позиция и патриотические чувства. Усиление воспитательного потенциала семей возрастет в результате помощи в воспитании детей со стороны старшего поколения – бабушек, дедушек и других родственников. Они служат своеобразным транслятором социального опыта, накопленного поколениями.

В данном исследовательском блоке мы выделили несколько основных аспектов, связанных с исторической памятью семьи молодых людей и их самих о ВОВ и обозначили следующие, наиболее репрезентативные:

1. Память о войне как знание истории семьи военного времени, где содержится, на наш взгляд, *духовная составляющая* исторической памяти, а именно, что знает и знает ли современное молодое поколение о жизни ближайших родственников в военное время.

2. Память о войне сквозь призму хранящихся военных реликвий – *материальная составляющая* исторической памяти и отношение молодежи к семейным реликвиям.

3. Память как чувства, эмоции и традиции – *деятельностная составляющая*. В рамках данного аспекта было выявлено, что чувствуют, что осуждают молодые люди, а также, что утрачивается, какие традиции поддерживаются и транслируются в семье посредством участия в значимых поведенческих практиках.

Остановимся на каждом из обозначенных аспектов подробнее.

Касательно памяти о войне как знании истории семьи военного времени, мы видим, что молодежь в возрасте до 18 лет демонстрирует меньшую информированность об участниках ВОВ среди членов семьи, чем у представителей студенческой и рабочей молодежи. Об этом свидетельствуют ответы учеников Лицея, которые выступили информантами в рамках фокус-групп: «...кто-то из родственников служил... В целом, что было, я знаю, что-то отложилось в памяти, но отмечу, что о каких-то подробностях службы я не особо знаю» (юноша, 17 лет, учащийся); «... конкретно про личности тех, кто участвовал в ВОВ в нашей семье, я не знаю, мне никогда не рассказывали, есть ли кто-то, кто участвовал» (девушка, 16 лет, учащаяся). Но также мы отметили и тот факт, что среди студенческой молодежи и работающей молодежи также встречались и те участники исследования, которые не имели никаких знаний об истории семьи во время войны: «Нечего мне сказать по этому поводу, к сожалению» (юноша, 18 лет, студент); «Честно, я не знаю» (юноша, 19 лет, студент).

Анализ ответов участников фокус-групп и интервью показал, что у молодежи до 18 лет меньше подробных данных о военном времени глазами их родственников, хотя есть

семьи, которые активно обращаются к тому времени посредством рассказов их родственников. Здесь все зависит от личного взаимодействия молодых людей с представителями старшего поколения. Конечно, чаще всего мы замечали присутствие имен родственников, места, где члены семьи воевали, их род деятельности в высказываниях представителей студенческой и работающей молодежи. Например: *«По отцовской линии у меня был дед, Пётр Михайлович. В конце войны, когда взяли Берлин, русский народ взял, а дед воевал на корабле с Японией, она была союзником Германии. ... по маминной линии – прадед, он был танкистом»* (юноша, 20 лет, студент); *«Я знаю только про своего прадеда по материнской линии. Он служил в пожарной охране внутренних войск на Каспийском побережье. Собственно, он тушил пожары нефтехранилищ, которые немцы смогли разбомбить»* (девушка, 19 лет, студентка). Конечно, это в большей степени связано с тем, что возраст данных респондентов позволил им застать живых участников Великой Отечественной войны.

При проведении фокус-групп и индивидуальных интервью мы поняли, что знания об истории семьи могут быть накоплены только по одной линии рода (по отцовской или по материнской). Некоторые информанты указывали на то, что проживают с матерью или отцом, и связь со вторым родителем и его семье утеряна, поэтому они никогда не обращались к истории семьи родителя, с которым не проживают. *«...по папиной линии я ничего не знаю, наверно, потому что у меня прадедушка, который родился в Израиле и жил в Израиле. В связи с этим мне нечего рассказать, либо просто мне никто ничего не рассказывал»* (юноша, 18 лет, студент). *«Я знаю о нескольких родственниках с маминной стороны. С папиной – ничего не известно мне»* (девушка, 19 лет, студентка).

Конечно, в высказываниях респондентов всех возрастных групп присутствовала печаль и боль о том времени и судьбе их родственников, что, на наш взгляд подчеркивает, что какие-то знания об участниках ВОВ есть у молодого поколения, но тему войны в семье обходят стороной, что не дает возможности получить полные факты о войне: *«Я знаю, что мои родственники участвовали в Великой Отечественной войне, но я не смогу ничего рассказать, потому что у нас почему-то в семье эту тему обходят стороной»* (девушка, 18 лет, студентка).

Помимо этого, мы зафиксировали то, что сами молодые люди испытывают неловкость от того, что не знают историю своей семьи: *«Мне крайне неловко, потому что я очень плохо знаю историю своей семьи. Я воспитывалась именно с мамой и с бабушкой. И у нас не было крепких семейных уз. Мы очень прагматично к этому относились. Это неплохо и нехорошо, я считаю»* (девушка, 19 лет, студентка); *«Так получилось, что мы с моим папой живём раздельно, как раз-таки он знает всю историю нашего рода, и я почему-то никогда не интересовалась этим моментом, вот прям вообще никогда, мне за это очень неловко»* (девушка, 19 лет, студентка).

Данные аспекты, выделенные на основе высказываний информантов, показывают, что чаще всего как школьники, так и более старшая возрастная группа молодежи интересуются семейными историями, связанными с военным временем, но мы встретились и с такими высказываниями, которые подчеркивали, что сами молодые люди не проявляют интерес к семейной истории о военном и послевоенном времени. Например, было отмечено такое высказывание среди студенческой аудитории: *«Честно говоря, очень подробно не интересовалась никогда тем, как вообще проходило послевоенное время»* (девушка, 19 лет, студентка).

Как мы уже отметили, анализ материалов, собранных во время проведения интервью и фокус-групп показывает, что в целом многие молодые люди независимо от их возраста знают о судьбе своих родственников, которые участвовали в ВОВ. Но все же стоит сказать, что в высказываниях респондентов прослеживается фрагментарность знаний истории семьи военного времени. Наиболее подробные рассказы были зафиксированы у тех респондентов, которые воспитывались в семьях, где были живы свидетели военных действий.

Зафиксировав знания информантов о военном времени, накопленных в семье посредством рассказов непосредственных участников событий или же тех родственников, кто является носителем данных знаний, мы обратились к анализу материальной составляющей исторической памяти и отношению молодежи к семейным реликвиям.

В рамках изучения данного аспекта проблемы нашим респондентам был задан вопрос: «Хранятся ли в Ваших семьях реликвии военных лет (письма фотографии, награды, вещи военных лет)?».

Анализ высказываний участников интервью и фокус-групп показал, что более половины участников исследования отрицательно ответили на этот вопрос. Интересно, что отрицательно на этот вопрос отвечали не только те, кто скажем, не очень хорошо знает историю своей семьи военных лет, но и те, кто смог назвать имена и фамилии воевавших в семье, где и как они воевали, их награды. Так, один из респондентов сообщил, что один его прадедушек *«награжден Орденом Отечественной войны. Второй прадедушка, его брат, был танкистом, воевал в Керчи. Был награжден двумя орденами Красной Звезды, Орден Отечественной Войны. После вернулся с войны и умер от старости в 85 году. Третий прадедушка был защитником Севастополя, морпехом. Награжден Орденом Красной Звезды, Медалью «За отвагу», Орденом Отечественной Войны. Вернулся с войны с тремя ранениями, умер в 59 году» (молодой человек, 25 лет, работает)*. При этом респондент добавил, что никаких наград не сохранилось: *«Честно говоря, нет, увы. Есть только записи на специальных источниках о том, что они были, воевали и были чем-то награждены, и то этих записей совсем немного. А так ничего бы не сохранилось до наших дней...» (молодой человек, 25 лет, работает)*. Отмечая причины того, что реликвии того времени не сохранились, мы видим, что респонденты указывали на множество переездов и сложную судьбу родственников. *«Прабабушка, прадедушка по материнской линии были репрессированы... прадедушка по отцовской линии тоже был репрессирован, но потом участвовал в боях, был ранен, в итоге амнистирован, ... в середине войны, но получил ранение в ногу и вернулся к прабабушке, которая все это время тоже находилась на территории Средней Азии, как супруга политзаключенного...» (молодой человек, 27 лет, работает)*. Этим, во многом объясняется то, что фотографий в семье сохранилось совсем немного, а отсутствие писем объяснил так: *«писем, как таковых, не сохранилось, просто потому что было этапирование и некоторые, например, письма запрещено было хранить, просто-напросто, потому что переписка запрещена... Награды тоже отсутствуют, потому что так как он, по сути, был преступником, награду так и не вручили, то есть приказ о награждении есть, но в период войны никто этим не занимался, а после войны стало уже бессмысленно этим заниматься, потому что документы, которые хранились, частично были утеряны...» (молодой человек, 27 лет, работает)*. Безусловно, данные причины вполне объяснимы, поскольку минуло 80 лет, и за это время судьба послевоенных поколений сложилась непросто.

Высказывания участников исследования показали, что чаще всего молодые люди говорили, что, если остались материальные свидетельства военного времени, то – это преимущественно фото, письма и награды. В интервью респонденты не называли каких-либо других вещей, свидетельств военных лет (например, одежда, военная форма, посуда, личные вещи и т.д.). Участники фокус-групп добавили к реликвиям семьи в виде фото, писем и наград такие награды, как табакерку, фронтовую зажигалку, патроны. Но это, пожалуй, единичный случай. Только один из участников вспомнил, что *«табакерка у бабушки есть, фронтовые зажигалки. Патроны, если не ошибаюсь...» (юноша, 17 лет, учащийся)*.

Отметим, что из высказываний респондентов, принявших участие в исследовании, стало ясно, что в настоящее время существуют российские семьи, где очень бережно относятся к военному наследию и, тем более приятно слышать от молодых людей, когда они с чувством гордости и понимания говорят о том, что в их семье все награды, фото и

письма бережно хранятся. Среди участников фокус-групп были те, кто рассказал, что «...в нашей семье по поводу прадедушки сохранили все медали, ордена, которые были. Мы их отдавали в музей, на выставку. Также сохранились его фотографии и письма, которые он отправлял своей жене, моей прабабушке. Их достаточно много и в детстве бабушка мне их читала. У нас дома, у бабушки, есть памятная коробка, как воспоминания о дедушке Мише, и поэтому мы храним эту память и чтим...» (девушка, 19 лет, студентка). Еще одна участница рассказала следующее: «У нас сохранились фотографии, старый большой альбом с такими картонными тяжелыми страницами. Также сохранились фотографии даже со времен армии прадедушки. И еще очень интересное, что я заметила в доме у моей бабушки, там сохранились книги военных лет, которые были напечатаны в этот период и до, и после. И на самом деле они в идеальном состоянии остались» (девушка, 20 лет студентка).

Несмотря на то, что в семьях остались материальные свидетельства военных лет, которые бережно хранятся, сама молодежь, как нам показалось, не продемонстрировала особой заинтересованности к этим вещам. Наиболее показательным в этом плане можно считать ответ одной из студенток, которая нам так рассказала об этом: «Ой, наверное, года два назад я приезжала к своему дедушке домой, и я решила залезть в наш семейный альбом, и как раз-таки там нашла фотографии военных лет, но я даже не спросила про них, то есть просто посмотрела фото, и всё. То есть фото хранятся, по-моему, даже пуля хранилась, но я не уверена, что это именно с той войны» (девушка, 19 лет, студентка). Или вот, например, показательным в этом плане можно считать такой ответ: «Насколько я помню, у меня в доме хранится отдельная шкатулка с огромным количеством орденов, точно их не рассматривают, поэтому информацию особо-то я не знаю, но их там достаточно много. И хранят их хорошо. Даже иногда протираем их, чтобы они особо не пришли в ужасное состояние» (девушка, 19 лет, студентка). О переводе фото военных лет в цифровой формат сказала только одна участница фокус-группы: «Семья родом из Республики Марий Эл. И вот у них, в Йошкар-Оле, у моих родственников, есть медали, фотографии. У нас это всё есть в электронном виде (фотографии медалей, писем и так далее)» (девушка, 17 лет, учащаяся). Ни один человек, из тех, кто принял участие в интервью, не сообщил о том, что фотографии оцифрованы, например, или, что они когда-либо перечитывали те немногочисленные, сохранившиеся письма их прабабушек и прадедушек.

Из интервью и фокус-групп мы выяснили, что многие молодые люди знают о существовании наград, но при этом понятия не имеют, где эти награды находятся, у кого хранятся: «...они хранятся в другом месте, не знаю, где именно.» (девушка, 24 года, работает). «У нас были фотографии, но, к сожалению, я не знаю, куда они делась, потому что это как будто какие-то ложные воспоминания. Их сейчас нигде нет. Может, они были утеряны где-то» (девушка, 20 лет, студентка). «Я никогда не видела ничего подобного, но я смею предположить, что в доме моего дедушки, он уже умер, по отцовской линии – сейчас это дом моей тети, там наверняка что-то хранится...» (девушка, 18 лет, студентка).

Анализ материалов интервью и фокус-групп показал следующую закономерность. Молодежь знает о имеющихся в семье вещах – свидетелях истории семьи военного времени, но, в большинстве своем, их высказывания свидетельствуют о том, что они не проявляют особого интереса к этим вещам. Даже те, кто хорошо знают историю жизни семьи периода ВОВ, не продемонстрировали какого-либо особого интереса к фотографиям, наградам и другим семейным ценностям. Чаще всего интерес к этим вещам они проявляли в детстве, в школьные годы, когда носили эти вещи в школу, на разные мероприятия, которые проводились в память о Войне. В современных семьях не принято, в большинстве своем, за круглым семейным столом рассматривать награды, фото, письма и другие свидетельства военного времени. Молодежь не высказала никакого интереса к тому, чтобы оставшаяся в реликвиях память о войне, была упорядочена ими, приведена в порядок.

Рассуждая о Великой Отечественной войне в семейно-родовой памяти современной российской молодежи, мы затронули вопрос, связанный с чувствами, эмоциями, переживаниями, которые испытывают молодые люди, вспоминая о победе своих предков. Участникам исследования был задан вопрос: «Расскажите, как проходит День победы в вашей семье? Какие мысли и чувства вызывает у Вас День Победы?».

Аспекты, которые были зафиксированы при анализе качественных материалов исследования, связаны с тем, что День Победы ассоциируется у молодежи с такими чувствами, как гордость, грусть, печаль: *«гордость, гордость, даже иногда печаль»* (девушка, 18 лет, студентка); *«...вообще гордость, но сейчас, наверное, возникают больше противоречивые чувства»* (девушка, 18 лет, студентка); *«Гордость и какая-то грусть тоже, ... по людям погибшем, оставившим след в Великую Отечественную войну»* (парень, 19 лет, студент); *«...у меня вызывает больше и гордость, и грусть»* (парень, 18 лет, студент); *«Чувства вызывают смешанные. Гордость, радость, печаль»* (молодой человек, 34 года, работает); *«Я чувствую просто, не знаю, гордость за нашу страну, за патриотизм, который обсуждается у нас на всех площадках»* (молодой человек, 32 года, работает); *«Но касаясь чувств и эмоций, я не знаю, как конкретно у моей семьи, у меня это вызывает гордость, потому что, потому что это наши предки. Я вот даже скажу так: бывает, когда накатывает грусть, какое-то грустное состояние, стоит вспомнить о том, что пережили наши предки, какая была сложная жизнь в те времена, потому что даже банально еды не хватало, во время всей войны»* (молодой человек, 22 года, работает). Таким образом, слова песни, написанной в 1975 году, фронтовиком Владимиром Харитоновым, до сих пор отражают эмоциональную часть праздника: «Это радость со слезами на глазах».

Испытывая смешанные чувства от событий, которые происходили 80 лет назад, молодые люди указывали на то, что в сам день, 9 мая, они чаще всего смотрят парад Победы на Красной площади или посещают данное мероприятие у себя в городе.

Что касается семейных празднований мы можем отметить следующее: *«...мы выходим на полк Бессмертный, и вот тут у меня вызывает больше и гордость, и грусть. Потому что, да, на самом деле грустно, потому что столько людей пострадало, и это проходило довольно долгую продолжительность времени, поэтому... Но после этого в семье уже мы это красочно празднуем с шашлыками»* (девушка, 20 лет, студентка); *«Ничего необычного, обычный праздник, то есть родители устраивали небольшие домашние лекции по истории, потом мы с друзьями, с ровесниками я шел на парад»* (юноша, 19 лет, студент); *«Только Парад, застолье, безалкогольное»* (парень, 26 лет, работает); *«Дядя всегда участвует в Бессмертном полку с фотографиями. Моя семья едет на возложение цветов, участвует в просмотре парада. Мы просто собираемся, и всегда бабушка рассказывает про своего отца, и всегда вспоминаем родственников, прошедших войну»* (девушка, 17 лет, учащаяся).

Таким образом, мы видим, что студенческая и рабочая молодежь отмечает, что в школьные годы они чаще посещали Бессмертный полк и парады Победы. Сегодня эта практика не такая многочисленная. Среди ответов респондентов прослеживались и такие: *«Очень часто старшее поколение ездит на кладбище, проводит родственников»* (девушка, 20 лет, студентка); *«... иногда было такое, что именно в День Победы ездили на кладбище, вот»* (юноша, 19 лет, студент).

Просмотр военных фильмов на центральном телевидении отмечали лишь изредка: всего 7 высказываний респондентов было связано с тем, что в этот день они смотрят киноленты. Также у 4 респондентов из старшей возрастной группы фигурировало такое мероприятие, как посещение салюта.

Участники интервью и фокус-групп отмечали, что День Победы – это посещение парада, который проходит в месте, где они проживают: *«Мы не каждый год, но ходим на парад иногда с техникой, чтобы посмотреть»* (девушка, 18 лет, учащаяся); *«Мы всегда обязательно ходим на парад победы смотреть зрителями»* (девушка, 19 лет, студентка).

«Ну, раньше мы прямо и парад смотрели, и бывало там с отцом на, так сказать, там... Собирались на площади, там была как раз полевая кухня и военные песни» (юноша, 19 лет, студент); *«В первую очередь, я казак. Состою в станице Рассветовской и мы ежегодно проходим «коробкой» в параде»* (парень, 35 лет, работает); *«Мы всей семьей идем на Парад»* (молодой человек, 27 лет, работает).

Довольно часто посещение парада Победы выступают в качестве детских воспоминаний, а не того, что происходит сейчас. Респонденты отмечали, что если сегодня они посещают парад, то это связано с тем, что они хотят показать младшему поколению (детям, братья, сестрам), что такое парад Победы, чтобы они увидели, как все проходит, военную технику. Помимо посещения парадов, участники исследования отмечали, что День Победы – это просмотр военного парада в Москве по телевизору: *«...в моей семье бабушка может включить парад по телевизору»* (юноша, 19 лет, студентка); *«...при этом каждое 9 мая начинается с просмотра парада по телевизору»* » (девушка, 19 лет, студентка); *«Родители смотрят Парад по телевизору всегда»* (девушка, 33 года, работает).

Отметим, что парад по телевизору чаще смотрят представители школьного возраста и студенческая молодежь, нежели, чем работающая молодежь. На наш взгляд, раньше, до пандемии, при проведении парадов люди всех возрастных когорт активно были настроены на посещение массовых мероприятий. В связи с отменами, переносами и запретами массовых мероприятий, в поведении людей появились другие социальные установки, что способствовало снижению количества тех, кто посещает парад очно. Мы видим, что такая тенденция закрепляется у более молодых представителей молодежи, а старшая возрастная группа готовы транслировать очные посещения детям и младшим представителям поколения Z.

В рассуждениях респондентов мы зафиксировали такие высказывания, которые свидетельствуют о том, что сам праздник для них считается просто выходным днем: *«...это как дополнительный приятный день отдыха, в который мы иногда говорим на тему войны»* (девушка, 17 лет, учащаяся); *«Если не ходим на салют, то праздник проходит просто как выходной»* (молодой человек, 35 лет, работает).

Таким образом, анализ высказываний респондентов указывает на то, что историческая память семьи в ее материальной составляющей, к сожалению, все больше и больше утрачивается. Она, в целом, как и знания, как духовная составляющая, носит скорее фрагментарный характер, а интерес к реликвиям прошлого, все еще хранящимся в семьях, носит скорее ситуативный характер.

Заключение

Анализ результатов, полученных в ходе проведенных фокус-групп и интервью, показал следующее.

Более глубокие знания о ВОВ (умение назвать фамилии, имена, подвиги, награды и прочие подробности семейной истории) скорее всего свидетельствуют о высоком уровне коммуникативного межпоколенного общения, поскольку эти знания молодежь могла получить, по большей части, в результате рассказов старших поколений. При этом здесь активную роль сыграли преимущественно представители поколений X и Y, многим из которых посчастливилось лично общаться с прадедушками и прабабушками, живыми свидетелями и участниками событий военных лет.

При анализе высказываний респондентов, которые приняли участие в проведении фокус-групп и интервью, нами было замечено, что молодые люди, которые застали в живых участников событий военных действий во время ВОВ, а также те, чьи родители посвящали ребят в жизнь прародителей, владеют большей информацией об истории семьи во время войны. Помимо этого, важен сам интерес молодежи к семейным событиям: в ходе написания историй о своих родственниках (эссе, дневников), составлению семейного древа молодые люди узнают важные факты о родственниках и

их жизненных историях во время ВОВ. Именно это «живое общение» – залог того духовного опыта и глубоких знаний семейной истории периода ВОВ. Есть все основания полагать, что поколение Z (и поколение Y – старшая возрастная группа молодежи в нашем исследовании), смогут в дальнейшем передавать и далее духовный опыт и ретранслировать историческую память для новых поколений (Альфа, Бета и т.д.).

К сожалению, более, чем в половине случаев мы отметили средний и даже низкий уровень межпоколенного коммуникативного общения, что нашло свое выражение в том, что молодежь демонстрирует поверхностные знания (*кто-то воевал, наверно воевал, да воевали, но подробностей я не знаю..., наверно, как все...*), либо вообще ничего не знает о жизни семьи в военное время. Немногие высказывали сожаление по этому поводу и испытывали чувство неловкости, для других же отсутствие знаний истории своей семьи периода ВОВ выглядело нормой. Здесь, конечно, нельзя не учитывать всю совокупность внешних и внутренних обстоятельств социализации молодого поколения в последние десятилетия. Это и тенденции саморегуляции, характерные для современной молодежи, проявляющиеся в индивидуализационных и атомизационных стратегиях поведения и трансформационные процессы семьи как института и малой группы, с характерными признаками «отчуждения внутрисемейных ценностей», обусловленные высокой степенью разводимости, роста неполных семей, усложнением внутрисемейных отношений.

Достаточное количество тех молодых людей, кто знает, о фотоальбомах, смотрит их, заботится о сохранности медалей, но, в то же время другая значительная часть молодых участников исследования говорили о том, что они не знают, где точно хранятся эти вещи, у каких именно родственников. В современных семьях не принято, в большинстве своем, за круглым семейным столом рассматривать награды, фото, письма и другие свидетельства военного времени. Молодежь не высказала никакого интереса к тому, чтобы оставшаяся в реликвиях память о войне, была упорядочена ими, приведена в порядок. Ни один из опрошенных нами респондентов не сказал о том, что он рассматривает эти вещи со своими детьми, уже новым поколением (альфа, бета ...), что планирует передать подрастающему поколению эти семейные ценности для сохранности истории семьи в памяти будущих поколений.

Также стоит отметить, что День Победы ассоциируется с такими чувствами, как гордость, грусть, печаль. 9 мая молодые люди чаще всего смотрят по телевизору парад Победы на Красной площади реже посещают данное мероприятие у себя в городе. Студенческая и рабочая молодежь отмечает, что в школьные годы они чаще посещали Бессмертный полк и парады Победы нежели, чем сейчас. Просмотр военных фильмов на центральном телевидении отмечали лишь изредка. Также у старшей возрастной группы фигурировало такое мероприятие, как посещение салюта.

Таким образом, анализ полученных материалов показал, чем выше уровень внутрисемейного межпоколенного общения, тем более глубокие знания об истории семьи демонстрировала молодежь в своих ответах на вопросы о Великой Отечественной войне. Отметим, что более глубокие знания демонстрировали именно студенты и работающая молодежь, поскольку их возраст несколько старше учащихся лица, что позволило им застать живых свидетелей тех событий. Историческая память семьи в ее материальной составляющей, к сожалению, все больше и больше утрачивается. Она, в целом, как и знания, как духовная составляющая, носит скорее фрагментарный характер, а интерес к реликвиям прошлого, все еще хранящимся в семьях, носит скорее ситуативный характер.

Литература

Живой, А.С. Социальная память в контексте становления современной российской идентичности : специальность 09.00.11 «Социальная философия» : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / А.С. Живой. – Ростов-на-Дону, 2017. – 169 с.

- Кабытов, П.С., Кабытова, Н.Н., Барина, Е.П. Семейные истории о Великой Отечественной войне: специфика исторических источников / П.С. Кабытов, Н.Н.Кабытова, Е.П. Барина // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения.* – 2020. – Т. 20, – вып. 4. – С. 482–489.
- Логунова, Л.Ю. Структурные характеристики семейно-родовой социальной памяти / Л.Ю. Логунова // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология.* – 2009. – №1. – С. 120-133.
- Логунова, Л.Ю. Влияние исторической травмы на семейно-родовую память сибиряков / Л. Ю. Логунова // *Социологические исследования.* – 2009. – № 9(305). – С. 126-136.
- Логунова, Л.Ю. Семейно-родовая память как социальный феномен: монография /Л. Ю. Логунова; отв. ред. д-р социолог. наук, проф. Шпак Л.Л. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2011. – 227 с.
- Логунова Л.Ю. Семейно-родовая память: временные ипостаси и социальные ресурсы // *Вестник Томского государственного университета.* – 2014. – №379. С.69-75.
- Логунова, Л.Ю. Историческая и социальная память: парадоксы и смыслы / Л.Ю. Логунова // *Идеи и идеалы.* – 2019. – Т. 11, № 1-2. – С. 227-253. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-227-253>.
- Логунова, Л.Ю. Социальная память в нарративах сибиряков: правдивость истории и правда памяти / Л.Ю. Логунова, Е.А. Маженина, В.А. Рычков // *Социодинамика.* – 2022. – № 2. – С. 53-67. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2022.2.37442>.
- Макулина, Е.Ю. Социальная память в условиях информатизации общественного воспроизводства / Е.Ю. Макулина // *Евразийский юридический журнал.* – 2024. – № 9(196). – С. 593-594.
- Савельева, И.М., Поletaев, А.В. «Историческая память»: к вопросу о границах понятия // *Феномен прошлого.* – М., 2005. – С.170–220.
- Тощенко, Ж.Т. Историческое сознание и историческая память: анализ современного состояния / Ж.Т. Тощенко // *Новая и новейшая история.* – 2000. – № 4. – С. 3-14.
- Храпов, С.А. Социальная память: философские и социально-гуманитарные подходы исследования / С.А. Храпов, А.Н. Ковылин // *Вестник Калмыцкого университета.* – 2024. – № 3(63). – С. 189-196. <https://doi.org/10.53315/1995-0713-2024-63-3-189-196>.
- Храпов, С.А. Социальная память как когнитивный и «техногенный» феномен / С.А. Храпов // *Вопросы философии.* – 2020. – № 3. – С. 99-106. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-3-99-106>.
- Шестаков, Ю.А. Историческое сознание российской молодежи в контексте обеспечения национальной безопасности / Ю.А. Шестаков // *России.НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право.* – 2022. – № 47(2). – С.399–407.
- Штомпка, П. Социальное изменение как травма / П. Штомпка // *Социологические исследования.* – 2001. – № 1. – С. 6-16.

References

- Zhivoy, A.S. Social memory in the context of the formation of modern Russian identity: specialty 09.00.11 «Social Philosophy»: dissertation for the degree of Candidate of Philosophical Sciences /A.S. Zhivoy. Rostov-on-Don; 2017. 169 p. (In Russ.)
- Kabytov, P.S., Kabytova, N.N., Barinova, E.P. Family stories about the Great Patriotic War: the specifics of historical sources. *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnyetnosheniya= Izv. Sarath. un-ta. New ser. Ser. History. International relations.* 2020; 20 (4):482-489.(In Russ.)
- Logunova, L.Yu. Structural Characteristics of Family-Genealogical Social Memory.= *Vestnik Moskovskogouniversiteta. Seriya 18. Sociologiyaiipolitologiya= Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science.* 2009; 1: 120-133.(In Russ.)
- Logunova, L.Yu. The Influence of Historical Trauma on the Family-Genealogical Memory of Siberians. *Sociologicheskiesledovaniya= Sociological Research.* 2009; 9(305): 126-136.(In Russ.)
- Logunova, L.Y. Family and ancestral memory as a social phenomenon: a monograph/ L.Y. Logunova; ed. Doctor of Social Sciences, Professor. Shpak L.L.Kemerovo: Kemerovo State University; 2011. 227 p.(In Russ.)
- LogunovaL.Yu. Family and ancestral memory: temporal hypostases and social resources. *Vestnik Tomskogogosudarstvennogouniversiteta = Bulletin of Tomsk State University.*2014; 379: 69-75.(In Russ.)
- Logunova L.Y. Historical and social memory: paradoxes and meanings. *Ideiiidealy = Ideas and Ideals.* 2019; 11(1-2):227-253. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2019-11.1.2-227-253>. (In Russ.)
- LogunovaL.Y. Social memory in the narratives of Siberians: the truthfulness of history and the truth of

memory. *Sociodinamika = Sociodynamics*. 2022; 2:53-67. <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2022.2.37442>. (In Russ.)

Makulina E.Y. Social memory in the context of informatization of social reproduction. *EvrAzijskiJuridicheskiZhurnal= Eurasian Law Journal*. 2024; 9(196):593-594. (In Russ.)

Savelyeva I.M., Poletaev A.V. «Historical memory»: on the question of the boundaries of the concept. The phenomenon of the past, Moscow, 2005: 170-220. (In Russ.)

Toshchenko, Zh.T. Historical Consciousness and Historical Memory: An Analysis of the Current State. *Novaya inovejshayaistoriya = New and Contemporary History*. 2000; 4: 3-14. (In Russ.)

Khrapov S.A. Social memory: philosophical and socio-humanitarian research approaches. *Vestnik Kalmyckogouniversiteta = Bulletin of the Kalmyk University*. 2024; 3(63):189-196. <https://doi.org/10.53315/1995-0713-2024-63-3-189-196>. (In Russ.)

Khrapov S.A. Social memory as a cognitive and «technogenic» phenomenon. *Voprosy filosofii= Questions of Philosophy*. 2020; 3:99-106. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-3-99-106>. (In Russ.)

Shestakov Yu.A. Historical consciousness of Russian youth in the context of ensuring national security. *Rossii.NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sociologiya. Pravo=Russia.NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. The right*. 2022; 47(2):399–407. (In Russ.)

Shtompka P. Social change as a trauma. *Sociologicheskieissledovaniya= Sociological research*. 2001; 1: 6-16. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 26.07.2025

Дата окончания рецензирования: 11.09.2025

Дата принятия к публикации: 13.09.2025

Информация об авторах

Богданова Ирина Николаевна – кандидат социологических наук, доцент, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: irina-bogdanova64@mail.ru

Артамонова Яна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия; e-mail: yserdyuchenko@sfedu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Bogdanova Irina Nikolaevna – Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: irina-bogdanova64@mail.ru

Artamonova Yana Viktorovna – Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: yserdyuchenko@sfedu.ru

The authors have no conflict of interests to declare